

DOI: 10.31857/S013038640008647-9

© 2020 г. Х. ЛЯЙДИНГЕР (Австрия)

КОНЕЦ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ – ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ляйдингер Ханнес — — доцент Института современной истории университета Вены, приглашенный доцент и ассоциированный исследователь университетов Зальцбурга, Будапешта и Берна. Руководитель венского отделения Института по изучению последствий войн им. Людвиг Больцмана. Член Военно-исторической комиссии по памятникам Федерального министерства обороны Австрии (Вена, Австрия). E-mail: hannes.leidinger@univie.ac.at

Аннотация. В исторической ретроспективе крах господства Габсбургов в Центральной Европе многими историками рассматривался как неизбежный. Но, несмотря на серьезные внутренние и внешние проблемы, распад Дунайской монархии не был полностью предreshен. Решение императорских элит продолжать войну любой ценой усугубляло ситуацию. Тем не менее распад Австро-Венгрии стал неотвратимым только в конце войны — из-за резкого ухудшения условий жизни, последствий военных мер, которые коснулись и солдат, и гражданских лиц, а также влияния русской революции, вступления в войну США, усиления сепаратизма на национальной почве и откровенно антигабсбургской политики Антанты в 1918 г.

Но был ли крах и развал Австро-Венгрии предопределен настолько, как это представляют многочисленные популярные и научные публикации? Или же события могли развиваться и по другому сценарию? Размышления автора на эту тему составляют содержание статьи.

Автор приходит к выводу, что императорско-королевская монархия как «вчерашний мир» отнюдь не исчезла в 1918 г.: она сохранилась социально и психологически. На основе многих произведений времен монархии, а также достижений культуры Австрии в период между двумя мировыми войнами был создан миф о добром «христианском государстве» — империи Габсбургов. «Мир Франца Иосифа» и его венценосных предшественников означает прежде всего неизменный мирный порядок. Этот миф отвлек внимание от трагедии Первой и Второй мировых войн, от «коричневого кошмара» нацизма и совместной ответственности «Ostmärker» (обозначение австрийцев в период 1938–1942 гг.) за преступления нацистской диктатуры.

Начиная с 1980-х годов историки, писатели, общественные деятели все чаще стали обращать внимание на отрицательные стороны «старой империи» и историю ее гибели. Потребовались либерализация, размывание классической социальной среды и идеологических лагерей, чтобы инициировать изменение взгляда на прошлое Австрии, «изменение культурной памяти» народа.

Ключевые слова: Габсбургская монархия, Австро-Венгрия, Первая мировая война, распад и упадок империи, культура памяти.

H. Leidinger**The End of the Habsburg Monarchy: Causes and Consequences**

Hannes Leidinger, the Universities in Vienna, Salzburg, Budapest and Berne, the Ludwig Boltzmann Institute for Research on the Consequences of War, Member of the Military History Commission for Monuments of the Federal Ministry of Defence (Vienna, Austria). E-mail: hannes.leidinger@univie.ac.at

Abstract. The collapse of Habsburg rule in Central Europe, especially in historical retrospect, was considered inevitable by many historians. But despite serious internal and external threats, the collapse of the Danube Monarchy was not a foregone conclusion. The decision of the Imperial elites to go to war at any cost made the situation worse. However, the dissolution of Austria-Hungary became inevitable only at the end of the First World War due to the sharp deterioration of living standards, the consequences of military measures for soldiers and civilians, the influence of the Russian Revolution and the US entry into the War, the strengthening of national separatism, and the openly anti-Habsburg policy of the Allies in 1918.

But were the collapse and dissolution of Austria-Hungary as predetermined as numerous popular and scholarly publications present it? Or could events have developed differently? The author's thoughts on this topic make up the content of the article.

The author comes to the conclusion that the k. & k. monarchy as "yesterday's world" did not disappear in 1918: it was preserved socially and psychologically. On the basis of many works of the monarchy, as well as the cultural achievements of Austria in the period between the two world wars, the myth of a good "Christian state" — the Habsburg Empire — was created. "The peace of Franz Josef" and his crowned predecessors means above all an unchanging peace order. This myth diverted attention from the tragedy of the First and Second World Wars, from the "brown nightmare" of Nazism, from the joint responsibility of the "Ostmärker" (the designation of the Austrians in the period 1938–1942) for the crimes of the Nazi dictatorship.

Since the 1980s, historians, writers, public figures have increasingly begun to pay attention to the negative aspects of the "old Empire", the history of its demise. It took liberalization, the erosion of the classical social environment and ideological camps to initiate a change in the view of the past of Austria, a "change in the cultural memory" of the people.

Keywords: Habsburg Monarchy, Austria-Hungary, First World War, Cultures of Memory.

НЕПРОЧНОСТЬ И ПЕССИМИЗМ

В различные периоды на первый план выступают явления, которые делают конец империи Габсбургов более понятным и в то же время дают возможность более сложного, дифференцированного понимания.

На протяжении веков находящийся под влиянием Габсбургов Дунайский регион представлял из себя «ненадежный» гетерогенный конгломерат сил. Объединение под эгидой «короля и императора» различных (сословных) государств, несмотря на все усилия по созданию единой «Австрийской монархии» („Monarchia Austriaca“), так и не обрело «твердого имперского ядра». Поэтому тот, кто говорит о закате, крахе или распаде монархии Габсбургов, с самого начала должен иметь в виду эту особенность, которая играла значительно большую роль, чем в случае других стран или великих держав. В примерах нет недостатка: религиозная война и «сословные вольности», война за Австрийское наследство при Марии

Терезии, реакция на реформаторские устремления Иосифа II, угроза самому существованию империи, которую несли Французская революция и гегемонистские устремления Наполеона, «штормовой» 1848 год, утрата власти и территорий в немецких и итальянских землях, национальный вопрос, особое положение Венгрии после австро-венгерского соглашения 1867 г. и создания дуалистического государства.

Напряженность между народами теперь как никогда ранее оказалась в центре дебатов. Те права, которые доминирующие немцы предоставили «мадьярам», вскоре должны были привести к новым конфликтам, по крайней мере с чехами. Как в одной, так и в другой части империи, речь шла, кроме этого, еще и об автономии для поляков и хорватов. К этому добавилось распространение «этнического подхода» на другие общественные сферы, а к тому же еще и требования представителей других национальностей.

Конфликты, затрагивающие области языка и культуры, образования и управления, шли рука об руку с попыткой компенсировать утраченные внешнеполитические позиции с помощью экспансионистской политики на Балканах.

Этот курс, поддерживаемый дипломатами и военными, но не имевший сторонников среди либералов и венгерских деятелей, нашел свое выражение в аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г., которые до этого в соответствии с решениями Берлинского конгресса 1878 г. были оккупированы австро-венгерской армией, оставаясь формально в Османской империи. Теперь же они стали частью Дунайской монархии.

Возникший в результате аннексии кризис не привел к войне, но углубил трещину в отношениях между Веной, с одной стороны, и Санкт-Петербургом и Белградом — с другой, в том числе и потому, что сама Сербия претендовала на данный регион, или по крайней мере, на его часть, и в этом могла рассчитывать на принципиальную поддержку России.

На этом фоне во время Балканских войн 1912–1913 гг., когда возникла угроза обострения австро-сербского антагонизма, все более очевидной становилась конфронтация между великими державами, и следовательно, между внешнеполитическими союзами, в которые они входили. Произошло укрепление связей внутри альянсов, с одной стороны — Германии и Австро-Венгрии, с другой — России, Франции и Великобритании.

Состояние напряженности активизировало деятельность разведок и поиск иностранных агентов и врагов в собственных рядах. Это в полной мере коснулось империи Габсбургов. Распространившаяся по всей Европе «шпиономания» в Дунайской монархии не ограничилась только слухами о «скандале» вокруг «предателя и супершпиона» Альфреда Редля. В общем, все комментаторы рисовали довольно нелестный портрет морального облика монархии. Постоянно появлялись сообщения о коррупционных делах и избирательных взятках. Складывалось впечатление, что сгнившая государственная структура противодействует самоуничтожению, но вскоре следует ожидать смерти «неизлечимо больного пациента»¹.

Несмотря на фактические нарушения, личные недостатки и кризисные явления эти разоблачения и возникающие по их поводу дебаты корректировали, как заметил один из журналистов, работу «компетентных органов». Предпосылки для создания прозрачной системы для освещения темных сторон государственной жизни создавали не только существующие правовые нормы, но и парламентские запросы, и «пронрыливые репортеры».

Но к таким выводам могли прийти только очень прозорливые наблюдатели. Скорее, современные комментаторы только подливали масла в огонь и способствовали краху монархии в ноябре 1918 г., положившему конец многовековому правлению

¹ *Leidinger H. Der Untergang der Habsburgermonarchie. Innsbruck — Wien, 2017, S. 86.*

Габсбургов и царствованию Карла — последнего императора и короля Австрии и Венгрии. Существующие свидетельства и воспоминания показывают все случившееся как цепь неизбежных событий. При взгляде назад «логика гибели» становится неумолимым роком.

Тем не менее предполагаемая предопределенность упадка и гибели, которая содержится в том или ином виде в многочисленных популярных и научных публикациях на эту тему, вызывает в последнее время сомнение. Был ли «крах 1918 г.» действительно неизбежным? Могло ли все пойти иначе?

ПРИМЕЧАТЕЛЬНАЯ СОГЛАСОВАННОСТЬ

В конце концов, даже социал-демократы, которые никоим образом не сочувствовали «высочайшему дому» и буржуазно-аристократической элите, в 1908 г. заявили в своей партийной газете «Арбайтер-Цайтунг», что империалистический характер государства был утрачен лишь частично «внутри ограниченных границ», однако не потерял шансов на существование.

Для подтверждения такой позиции есть достаточно «иллюстративного материала». Национальный вопрос не был главной причиной распада. Даже пункт 14 австрийской «цислейтанской» декабрьской конституции 1867 г. не предполагал, как часто утверждается, правительственной диктатуры. В конце концов, он давал возможность некоего переходного решения, даже корона видела в нем лишь ограниченное «чрезвычайное положение» («Ex-Lex-Zustand»). Чрезвычайные полномочия в долгосрочной перспективе должны были быть одобрены парламентом, временные меры — особенно в бюджетной сфере — гарантировали нормальное функционирование государственного управления².

К серьезному кризису между Францем Иосифом и Будапештским рейхстагом привели вопросы об увеличении числа призывников и о том, на каком языке должны отдаваться команды в австро-венгерской армии (помимо австрийского ландвера и венгерского гонведа) в ее венгерской, «транслейтанской» части. Венгерский представительный орган, избранный на основе строгого цензового избирательного права, и настроенный очень про-венгерски, который едва ли представлял «народ» или этнические меньшинства, был одернут королевским правительством. Для этого оно использовало военную силу, ограничения политических свобод, невыплаты зарплат местным чиновникам и провозглашение плана введения всеобщего избирательного права для мужчин.

Был достигнут компромисс. Гегемония традиционных элит в землях короны Св. Стефана (Венгрии) сохранялась, как и хрупкая система «временного двуединого государства», которую символизировало регулярное определение «квоты», т.е. ценностного (в денежном выражении) вклада обеих частей империи в общий бюджет. Но по сравнению с предшествующими кризисами было достигнуто определенное успокоение. Хотя подходы к реформам в Транслейтании не соответствовали ожиданиям оппозиции, и особенно этнических меньшинств, но тенденции урбанизации и индустриализации или распространение венгерского языка и культуры могли рассматриваться как процесс гомогенизации. Процент не венгров остался неизменным или даже снизился, но при этом 2 млн из них владели венгерским языком³.

² Höbelt L. „Wohltemperierte Unzufriedenheit“. Österreichische Innenpolitik 1908–1918. Die letzten Jahre der Donaumonarchie. — Der erste Vielvölkerstaat im Europa des frühen 20. Jahrhunderts. Hrsg. M. Cornwall. Wegberg, 2004, S. 59.

³ Zsuppán F. T. Die politische Szene Ungarns. — Die letzten Jahre der Donaumonarchie. Der erste Vielvölkerstaat im Europa des frühen 20. Jahrhunderts. Hrsg. M. Cornwall. Wegberg, 2004, S. 115.

Противоположная тенденция была характерна для «Цислейтании». Здесь, в 1907 г., в том числе под влиянием русской революции 1905–1906 гг., было введено всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право для мужчин, что также способствовало усилению национальной дифференциации⁴.

Однако в отличие от жесткой полемики вокруг установлений в сфере языка в Богемии во второй половине 1890-х годов при правительстве графа Бадени появились признаки взаимопонимания. Даже если незадолго до 1914 г. ситуация в Пражском ландтаге снова вышла из-под контроля, то она, как и в Венском рейхсрате, была «успокоена» началом Первой мировой войны: решения и соглашения доказали, что сложная политическая и конституционная структура империи (особенно в австрийской части) ни в коем случае не была закостенелой. «Способность к мобильности» системы заключалась, в частности, в «моравском уравниении», которое положило конец хотя бы прямому неравенству национальностей. С этого момента в местном парламенте было три отдельных палаты — для дворянства, немцев и чехов⁵.

Несмотря на критику «этнической сегрегации» населения и проблему, возможно, слишком статичного решения, Моравия, казалось, предлагалась в качестве «многообещающей модели» для Богемии, хотя переговоры по этому вопросу были прерваны в 1910 г., и сопоставимые правила были найдены только для Будевице⁶.

В то же десятилетие другие предлагаемые решения изменили бы прежние границы коронных земель. Было рассмотрено «триалистичное» решение для южнославянской части, а также далеко идущие федеративные планы, вплоть до создания «Соединенных Штатов Великоавстрии». Они мало бы что сохранили от привычного территориального деления. Цис- и Транслейтания, а также, Богемия и Моравия, Галиция, и прежде всего земли короны Св. Стефана, перестали бы существовать. Для венгерских элит все это было неприемлемо.

Поэтому разделение территории страны, а также личной, национальной, и, следовательно, культурной идентичности, как это попытались сделать в Моравии, представляется более целенаправленным. Социал-демократы, также как христианские социалисты, выступали за такие решения, даже несмотря на то, что «рабочее движение Цислейтании» около 1910 г. начало раскалываться по национальному принципу. Это развитие событий уже по причине дальнейших усилий по уравниению наций в правах на коронных землях ни в коем случае не должно рассматриваться как выступление за роспуск общего государства⁷.

Помимо того, что в «парламенте Цислейтании» — Венском рейхсрате — «национальный актив» которого оставался по существу неизменным и не вызывал больше острых споров, произошла быстрая трансформация депутатских объединений в соответствии с идейно-партийным спектром внутри этнических групп, особенно после введения всеобщего избирательного права в 1907 г., были еще и локальные договоренности. С мая 1910 г. ландтаг Буковины строился по новой системе из шести курий, четыре из которых были национально-ориентированными. Даже усиливавшееся в последнее время противостояние между поляками и украинцами, т.е. русинами, закончилось. Мандаты во Львовском ландтаге окончательно распределялись в соответствии с «национальными пропорциями», и центральное требование — создание русинского университета — было учтено в соглашениях в январе 1914 г.⁸

⁴ Höbelt L. Op. cit., S. 61; Judson P. M. Habsburg. Geschichte eines Imperiums 1740–1918. München, 2017, S. 312–313.

⁵ Albrecht C. Die Böhmisches Frage. — Die letzten Jahre der Donaumonarchie, S. 97.

⁶ Judson P. M. Op. cit., S. 376.

⁷ Saage R. Der erste Präsident. Karl Renner — eine politische Biographie. Wien, 2016, S. 73.

⁸ Neue Freie Presse, 29.I.1914.

Параллельно этой тенденции к разрядке напряженности в национальном вопросе возникли многообещающие социальные, экономические и культурные тренды. Наряду с художественным и научным бумом, который не ограничивался только Веной, можно было наблюдать и рост прогрессивных сил, и — хотя и очень медленное — улучшение социальных условий.

В отличие от этих позитивных тенденций отношения между двумя половинами империи — Австрией и Венгрией — оставались напряженными и представляли собой залог будущих проблем, с другой стороны, ключевые силы в землях короны Св. Стефана имели перед собой преимущества большого экономического пространства. В конце концов, Транслейтания ощутимо выиграла экономически. Наконец-то все увидели Габсбургскую монархию в период с 1890 г. до кануна Первой мировой войны на устойчивом подъеме. Империя Габсбургов, и особенно Венгрия, со средними темпами экономического роста в 4,8% была одной из наиболее быстро развивающихся национальных экономик в Европе⁹.

ВОЙНА КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ

Для последующих событий решающими оказались борьба за международный авторитет Дунайской монархии и относительно большая свобода короны и ее ближайшего окружения в процессе принятия политических решений, особенно это касалось прерогатив двора в вопросах внешней политики и военного командования.

Решения, принятые после убийства наследника престола Франца Фердинанда и его супруги, как представляется, нуждаются в разъяснении. Помимо фиксации на требовании покарать сербское королевство, что для империи Франца Иосифа было скорее региональной задачей, существовала еще опасность остаться в будущей «битве народов» только «младшим партнером» Берлина. Кроме этого активация «коллективной самообороны» (*Casus foederis*) и готовность Вены к развязыванию «большой европейской войны» привели к ухудшению репутации Дунайской монархии еще до начала боевых действий¹⁰.

Этот прыжок «в темноту», разжигание «пожара», особенно со стороны «сторонников жесткой линии» в австро-венгерской армии, могли быть использованы для урегулирования проблем с оппозицией, идеологическими и «этническими» противниками в своей собственной стране, что вскоре привело к двойному отчуждению властей габсбургской империи от общественности как в собственной стране, так и за ее пределами. Репрессии против нелояльных элементов, массовые казни и интернирование подозреваемых, страдания беженцев и расширение полномочий военной юстиции, а значит и армии в целом, значительно углубили пропасть между властью и собственным населением¹¹.

С точки зрения имперского руководства недостатка в позитивных аспектах не было: в значительной степени спокойно прошедшая мобилизация и относительно слабое сопротивление в первые годы войны выявили значительную степень единства в землях Габсбургов. После первоначальных неудач вплоть до 1916–1917 гг. казалось, что и военные цели будут достигнуты. Сербия была побеждена и оккупирована, также как и обширные территории в Румынии. Русская Польша находилась в руках Центральных держав. Италию удавалось держать под контролем и даже оттеснить в 12-й битве при Изонцо.

⁹ Clark Ch. *The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914*. London — New York, 2013, p. 69.

¹⁰ Leidinger H., Moritz V. *Der Erste Weltkrieg*. Wien — Köln — Weimar, 2011, S. 29–30.

¹¹ См.: Leidinger H., Moritz V., Moser, K., Dornik W. *Habsburgs schmutziger Krieg. Ermittlungen zur österreichisch-ungarischen Kriegsführung 1914–1918*. St. Pölten — Salzburg — Wien, 2014.

В действительности без помощи Германии не было бы ни одного удачного наступления, впрочем, и противоборствующий альянс не в последнюю очередь был усилен вступлением в войну США и смог одержать победу в борьбе за ресурсы в этой неожиданно надолго затянувшейся массовой бойне. В империи Гогенцоллернов и в Дунайской монархии начавшийся ранее кризис снабжения превратился в продовольственную катастрофу¹².

И все же, когда после смерти императора Франца Иосифа его преемник, молодой регент Карл, сделал попытку более примирительного и либерального правления, с этим был связан и созыв рейхсрата 30 мая 1917 г., это не привело к разрыву «народа» с государственной властью¹³. Вполне предсказуемо мировая война усилила центробежные силы. На основе обширной национальной самостоятельности представители разных народов призвали к созданию федеративного государства. Однако лояльность к Габсбургам даже теперь не была подорвана полностью.

Тем не менее ситуация коренным образом изменилась под влиянием международной обстановки. Русская революция и связанное с ней провозглашение права наций на самоопределение значительно расширили варианты развития событий. Например, восстановление независимого польского государства должно было состояться в ближайшее время. Центральные державы представляли препятствие на этом пути. Мир между ними и Украиной в контексте переговоров с ленинским советским правительством ухудшил польские настроения из-за территориальных уступок в пользу русинов. То же самое относится и к контролю через Берлин и Вену над Польским королевством, существовавшим с 1916 г.¹⁴

Сам Карл оставался нерешительным и непостоянным, несмотря на кажущееся понимание ситуации. В его окружении возвышались голоса, требовавшие ужесточения политики. Регент вполне рассматривал возможность выступить против парламентариев.

Собственные инициативы правящего дома в вопросе заключения мира в обход министра иностранных дел и двора графа Оттокара Чернина и империи Гогенцоллернов закончились скандалами, кризисом доверия и еще большим усилением Германии. Брест-Литовский договор с Советской Россией также — не без основания — считался хищническим миром, заслугой могучего прусского генералитета, которому ассистировали карликовые союзники, в том числе австрийский император¹⁵.

В то время как Габсбургская монархия в оккупированных регионах из-за жестких реквизиционных и репрессивных мер была втянута в партизанскую войну, ухудшалось и ее отношение к собственным солдатам. В армии продолжали применяться жесткие дисциплинарные меры, особенно по отношению к вернувшимся из русского плена. Не в последнюю очередь разочарование именно этих людей стало побудительным мотивом к открытым волнениям в 1918 г. Результатом этого стали мятежи и дезертирство, что способствовало формированию так называемых «зеленых отрядов».

Уже в начале года, когда в Дунайском регионе дело дошло до массовых забастовок в основном с политическими требованиями, этот ветер задул и в странах Антанты. Несмотря на мировую войну, многие продолжали считать Австро-Венгрию незаменимым фактором порядка в Центральной Европе. Неоправдавшиеся надежды западных держав на сепаратный мир с Веной и демонстративная

¹² *Leidinger H., Moritz V. Der Erste Weltkrieg*, S. 60–65.

¹³ *Judson P. M. Op. cit.*, S. 419–421.

¹⁴ *Szjlanta P. Der lange Abschied der Polen von Österreich. — Die Habsburgermonarchie und der Erste Weltkrieg. T. 1. Der Kampf um die Neuordnung Mitteleuropas; T. 2. Vom Vielvölkerstaat Österreich-Ungarn zum neuen Europa der Nationalstaaten. Hrsg. H. Rumpler. Wien, 2016, S. 813–851.*

¹⁵ *Die letzten Jahre der Donaumonarchie*, S. 184–186.

преданность Карла императору Вильгельму изменили ситуацию. Кроме того,росло значение чехословацких легионеров как союзников Антанты в Италии и Франции, так же как позднее в борьбе против «большевистской угрозы в Сибири». Лондон, Париж и Вашингтон открылись для эмигрантских объединений «габсбургских народов»¹⁶.

Тем не менее не существовало ни национальных, ни социальных движений сопротивления, политических партий или оппозиционеров, бунтовщчества, не было даже элементарных «народных восстаний» — как это было, например, в феврале-марте 1917 г. против царя в России, которые предопределили бы конец империи Габсбургов. Осенью 1918 г. в Дунайском регионе не доминировали активные действия, направленные на свержение монархии. События развивались не так, как в Киле или Мюнхене, где почти полное исчезновение старой лояльности определило момент распада. После удивительно долгого сохранения «традиционного порядка» в условиях «тотальной» и индустриальной «массовой войны на износ» импульс пришел извне, его последствия продемонстрировали потерю дальнейшей сплоченности.

Уже в июне 1918 г. наступление австро-венгерских подразделений в Венето потерпело поражение при полном материальном и моральном истощении. Успех, достигнутый в самых сложных условиях на Изонцо в прошлом году, не смог повториться. Австро-Венгрия уже потеряла больше, чем просто свою наступательную силу.

НАКАНУНЕ КРАХА

В таких обстоятельствах были приняты меры на случай все более вероятной революции. Во многих местах тайные военные кружки были готовы ко дню «X»¹⁷. Но важнее были политические решения. Например, в Любляне в середине августа 1918 г. состоялись «Славянские дни». Помимо «народной солидарности», что продемонстрировало присутствие польских и чешских представителей при создании «Народного совета Словении и Истрии», был создан орган власти, существующий параллельно с институтами австро-венгерской администрации, которые продолжали пользоваться еще определенным авторитетом. В то время как «Народный совет», состоявший из некоторых региональных секций и профессиональных комитетов, считал себя частью будущего Национального комитета всех югославян Австро-Венгрии, чехи под руководством К. Крамаржа также начали делать первые шаги в том же направлении. В середине июля был создан «Национальный комитет», к которому присоединились все политические партии, принимавшие участие в выборах в рейхсрат 1911 г. Подготовка ко дню «создания государства», ускорила образование районных и местных комитетов. Авторитет эмигрантских кругов был непрерываем до середины сентября. Они ждали инструкций из Парижа¹⁸.

Такое затишье перед бурей, казалось, сыграло определенную роль в неспособности части правительства полностью понять серьезность ситуации. Другие спрятали голову в песок или твердолобо отметали все изменения. Однако некоторые

¹⁶ Ibid., S. 185–186.

¹⁷ *Deutsch J. Kriegererlebnisse eines Friedliebenden. Aufzeichnungen aus dem Ersten Weltkrieg.* Hrsg. M. Maier, G. Spitaler. Wien, 2016, S. 29; *Plaschka R., Haselsteiner H., Suppan A. Innere Front. Militärsistenz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918, Bd. 2.* Wien, 1974, S. 123–126.

¹⁸ *Lukan W. Die slowenische Politik und Kaiser Karl. — Karl I. (IV.), der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie.* Hrsg. A. Gottsmann. Wien, 2007, S. 178; *Šedivý I. Der Einfluss des Ersten Weltkrieges auf die tschechische Politik. — Die Habsburgermonarchie und der Erste Weltkrieg,* S. 733.

представители старой власти никоим образом не закалились в условиях, они смотрели на будущее широко и понимали суть последних событий. Иногда это были скорее постоянные предупредительные признаки неизбежного «инфаркта», к которому все уже давно привыкли.

При этом было достаточно свидетельств неизбежного скорого распада империи. Общественные группы, которые раньше всегда поддерживали руководство страны, теперь отвернулись от монархии. «Плата» за их лояльность по-прежнему оставалась за ними, но готовность чем-то жертвовать ослабевала. Примечательно, что с этого времени католический «дом Габсбургов» не смог больше объединять вокруг себя высшее духовенство. Высшее командование армии напрасно взывало от имени императорской четы к австрийским епископами, чтобы те публично обратились к народам империи с призывом к единству. Соответствующее папское письмо было опубликовано 4 августа 1918 г. Однако высшее духовенство Праги, Любляны, Трентино и Триеста отказалось его публиковать. Епархии тем самым уведомляли, что больше не принадлежат императору и общему государству¹⁹.

Повсюду распространялись апатия и равнодушие. Существующий порядок был дискредитирован. Однако негативное отношение к «русским событиям» преобладало почти повсеместно. В отличие от надежд Ленина, конец царского правления, «Красный Октябрь» и хаос в России представляли и для правящих элит, и для «народов» Австро-Венгрии ужасную картину, предостерегающую от подобных действий. Поэтому чешская оппозиция отказалась от преждевременного удара и ненужного кровопролития. Национальный комитет (Národní výbor), созданный в июле, не поддержал попытку чешских социалистов выступить 14 октября 1918 г. Австро-венгерские военные по-прежнему контролировали ситуацию²⁰.

Ждать дня «X» — означало учитывать события за границей и, поскольку война продолжалась, ситуацию на фронтах. Именно оттуда поступили сигналы, которые в конечном счете заставили всех акторов действовать. Параллельно с уже заявленной готовностью вести переговоры с более сильным противником в империи Габсбургов начались внутренние изменения: они накатывались как горная лавина. Совместный Совет министров от 27 сентября 1918 г. заявил о «необходимости реконструкции внутри страны»²¹.

Однако венгерское правительство не выступило, как прежде, просто против фундаментальной реорганизации империи, «триалистического», субдуалистического или «федералистского решения». Теперь правительство Венгрии поставило под сомнение существующие отношения между Веной и Будапештом, а лозунги «Мир, демократия, независимость» выдвинули на первый план левую оппозицию Михая Каройи. Премьер-министр Венгрии Шандор Векерле, готовый вести переговоры, был снят с должности своими же соратниками. Он ушел в отставку 11 октября, как и его австрийский коллега Макс Гусарек фон Гейнлейн. В своих реформаторских усилиях последний столкнулся не только с сопротивлением венгров. Даже монарх не поддерживал эти проекты безоговорочно²².

¹⁹ Habsburgs Last War: The Filmic Memory (1918 to the Present). Cinematic and TV Productions in the Neighbouring Countries and Successor States of the Danube Monarchy: Austria, Czechia-Slovakia, Germany, Hungary, Italy, Poland, Romania, Russia, Serbia, Slovenia. Ed. by H. Leidinger. New Orleans, 2018, p. 112.

²⁰ Judson P. M. Op. cit., S. 554.

²¹ Rumpler H. Die Todeskrise Cisleithaniens 1911–1918. Vom Primat der Innenpolitik zum Primat der Kriegsentscheidung. — Die Habsburgermonarchie und der Erste Weltkrieg, T. 2, S. 1246.

²² Ibid., S. 1252.

КОНЕЦ

Только как беспомощность настроение в правительственных учреждениях охарактеризовать вряд ли можно. В конце концов, для двух премьер-министров, которые пытались продолжать работать, исчезло место для маневра. По меньшей мере Цислейтанскую часть империи Карл превратил императорским Манифестом от 16 октября 1918 г. в федеративное государство независимых народов. При этом он не касался вопроса дуализма и вдобавок вызвал подозрение, что немцы сохраняют свое главенствующее положение в дунайской регионе²³.

Высочайший манифест только ускорил уже начавшийся процесс распада империи. На фоне событий в Болгарии, продолжающихся дискуссий об «австро-польском решении», венгерских планов присоединения Боснии и Герцеговины румыны начали процесс объединения народа, разделенного имперской границей, а Чехословацкий национальный совет под председательством Т. Г. Масарика требовал из Парижа признания Чехословакии независимым государством. Со 2 октября 1918 г. южные славяне, давно уже требовавшие автономии, стали также склоняться к независимости²⁴.

16 октября 1918 г., сразу после императорских распоряжений, был создан «Украинский национальный совет», словаки и румыны уже подчеркнули свое отделение от Венгрии, и на фоне итальянского наступления и отступления венгров из прифронтовых областей Будапештский рейхстаг принял решение выйти из империи Габсбургов. Временная национальная ассамблея, созданная на основе Манифеста 16 октября и состоящая из до сих пор лояльных империи австрийцев, уже через несколько дней после первого заседания 21 октября допустила, что «народный суверенитет» не оставляет никаких полномочий императору. Уже 31 октября 1918 г. последний министр-президент Цислейтании Г. Ламмаш передал власть новому венскому руководству. Незадолго до этого был разорван союз с Германией, и император Карл предложил сепаратный мир, но это было уже бесполезно перед лицом надвигающейся катастрофы. Еще 21 октября Вашингтон в ответной ноте имперскому правительству недвусмысленно выразил пожелание создать чехословацкое и югославское государства²⁵.

28 октября 1918 г. в Праге была провозглашена суверенная Чехословацкая республика, в которую вошли чехи и словаки. В то же время появилась новая Польша, которая, в частности, претендовала на Галицию и была быстро вовлечена в кровавые конфликты с новыми украинскими властями. На следующий день старая государственная власть исчезла в Аграме (Загреб). Хорватия, Славония и Далмация отделились от Венгрии и Австрии и объединились в последующие дни и недели (до 1 декабря 1918 г.) в единое государство, включающее Боснию и Герцеговину со словенцами, черногорцами и сербами. Между тем 3 ноября 1918 г. было подписано соглашение о прекращении огня с Италией, которое по ошибке привело к пленению около 400 тыс. солдат австро-венгерской армии: это произошло в то время, когда общая имперская армия находилась в процессе ликвидации.

Формальная точка в судьбе империи была поставлена в старых имперских центрах. Элита, цепляющаяся за «старую Венгрию», была ответственна за кровавые столкновения в Будапеште. Полицейские подразделения открыли огонь по

²³ Die letzten Jahre der Donaumonarchie, S. 200.

²⁴ Moos C. Habsburg post mortem. Betrachtungen zum Weiterleben der Habsburgermonarchie. Wien – Köln – Weimar, 2016, S. 509–510.

²⁵ Die letzten Jahre der Donaumonarchie, S. 200.

толпе на мосту, где агитировали за Венгерский национальный совет под руководством М. Каройи. Были слышны призывы к установлению республики. Последовали уличные бои, беспорядки и грабежи. Карл назначил графа Яноша Хадика премьер-министром. Однако отряды венгерского гонведа перешли на сторону оппозиции, а противники окопались за ненадежными укреплениями. Военный комендант барон Г. Лукачич позвонил королю Карлу по телефону и сообщил о ненадежности своих войск: «Если последует приказ стрелять, следует опасаться, что солдаты откажутся подчиняться». Лукачич просил дать ему по крайней мере один надежный полк, чтобы сохранить порядок. После долгого ожидания ответа, он услышал голос Карла, который сказал не ему, а себе: «О, пролилось уже достаточно крови»²⁶.

Государь капитулировал, зная, что уже нет никого, кто будет выполнять приказы его офицеров. 31 октября 1918 г. он поручил эрцгерцогу Иосифу, воспользовавшись правом «*Nomus regius*»²⁷, признать правительство Каройи, которое своей главной задачей объявило провозглашение независимости Венгрии, реформу избирательного права, предоставление демократических свобод, социальные и экономические реформы. Это был разрыв с политикой предшественника Ш. Векерле, многолетнего премьер-министра И. Тисы, который был убит в тот же день в ходе беспорядков. Он был застрелен ворвавшимися в его дом в Пеште солдатами.

Уродливые акты насилия показали, насколько осторожно должны были действовать все стороны в момент смены власти. Именно это смог продемонстрировать последний австро-венгерский премьер-министр Г. Ламмаш. Выдающийся специалист по уголовному и международному праву был назначен на должность премьера 25 октября 1918 г., когда прежней «Австрии» уже не существовало и его главной заботой было обеспечить, насколько это было в его власти, мирную ликвидацию старого государства.

В этом процессе участвовали и австрийские немцы. После «Манифеста народов» они пошли на создание собственного государства. Уже на их первых заседаниях, на которых акцент делался на полномочиях «народного представительства», стало понятно, что в новой системе не будет места для «высочайшей династии» и ее кабинета²⁸.

Государственный совет как орган высшей власти в Австрии и Реннер как ключевая фигура в предстоящих событиях были озабочены не общим будущим народов Дунайского региона, а последним актом императора. Его отказ от «любого участия в государственных делах», в конечном счете, был сочтен достаточным, чтобы голосами христианских социалистов, которые до последнего старались спасти монархию, провозгласить 12 ноября 1918 г. немецкую Австрию республикой и составной частью Германской империи.

Чуть позже Карл объявил, что он решил «следовать той же процедуре в Венгрии, что и в Австрии». Однако процессы были схожими лишь условно. Существующее Будапештское правительство в отставку отправлено не было. Кабинет М. Каройи 1 и 2 ноября 1918 г. призвал венгерские войска на фронте сложить оружие, объявил независимость от Австрии, расторг союз с Германией и освободил войска от присяги Габсбургам. 16 ноября 1918 г. была провозглашена Венгерская Республика, которая, как сообщила газета «Пестер Ллойд», хоть и сформировалась сегодня, но фактически «родилась 31 октября»²⁹.

²⁶ *Plaschka R., Haselsteiner H., Suppan A.* Op. cit., Bd. 2, S. 272.

²⁷ человек короля, королевский вассал (лат.).

²⁸ *Brauneder W.* Die Verfassungssituation 1918: ein Staat entsteht, ein Staat geht unter. — Österreich. 90 Jahre Republik. Beitragsband der Ausstellung im Parlament. Hrsg. St. Karner, L. Mikoletzky. Innsbruck — Wien — Bozen, 2008, S. 17.

²⁹ *Pester Lloyd*, 17.XI.1918.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ ИЛИ МЕДЛЕННАЯ СМЕРТЬ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

В более позднюю историческую эпоху стало понятно, что обострение противоречий можно было заметить уже после 1867 г., особенно на фоне присущих эпохе трансграничных «модернизационных толчков». Неудивительно, что в обществе и культуре все положительные и отрицательные характеристики империи сохранялись безотносительно острых политических моментов. В этом смысле императорско-королевская монархия как «вчерашний мир» отнюдь не исчезла в 1918 г., по крайней мере социально и ментально. С этой точки зрения, «ключевые годы» — 1914, 1917, 1918, 1919 — представляли из себя «транзитные станции» и создавали «толчки к ускорению» на долгом временном периоде с 1870-х до 1930-х годов. Поэтому — особенно на основе духовных и культурно-исторических выводов — «имперский период» трудно отличить от «эпохи республики»³⁰.

Соответствующие политические взаимосвязи видны на примере так называемого «Культуркампа». Споры о разделении церкви и государства, о влиянии религии особенно на систему образования, брачное и семейное право, не просто продолжились после 1918 г. Со временем они существенно обострились. С исчезновением имперских и королевских институтов уже существовавшие линии разлома между идеологическими соперниками обозначились еще острее. «Кризис интеграции», который обострился вплоть до гражданской войны, основывался на формировании «лагерного менталитета». Замкнутая, враждебная среда предлагала общие жизненные установки, от воспитания детей до обрядов погребения, которые, не в последнюю очередь, оказалась проблемным наследием более глубокого социального конфликта в поздней Дунайской монархии³¹.

Есть много примеров, свидетельствующих о прочности императорско-королевского наследия. В дополнение к кадровой преемственности в управлении или неизменности социальной структуры, прежде всего в деревенском мире, можно назвать и «староавстрийское законодательство». Именно на него ориентировались в том числе в Альпийской республике (Австрии), в Чехословакии и Югославии. К этому можно добавить и то, что австро-венгерские принципы политики в отношении национальных меньшинств были взяты за образец, например в Польше³².

С другой стороны, не было недостатка в изменениях и трансформациях. Этому способствовала фаза идеологической радикализации в результате попыток советизации Центральной Европы, особенно в 1919 г. Однако в долгосрочной перспективе значительно важнее была кровавая, хоть и не сравнимая с русским революционным и имперским кризисом по уровню насилия, борьба государств-преемников Австро-Венгрии за передел территориальных владений. Пропать между странами Дунайского региона быстро углублялась, чему способствовали и договоры, заключенные в пригородах Парижа: 5 млн немецкоязычных бывших подданных Австро-Венгрии теперь оказались в Чехословакии и Италии, Югославии, Венгрии, Румынии и Польше. 3 млн венгров остались национальными меньшинствами в основном в Румынии, а также в ЧСР и в Государстве сербов, хорват и словенцев (ГСХС). Более того, эти «приграничные меньшинства» часто считали соседнее государство своей настоящей родиной³³.

³⁰ Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009, S. 103.

³¹ Leidinger H., Moritz V. Umstritten, verspielt, gefeiert. Die Republik Österreich 1918/2018. Innsbruck — Wien, 2018, S. 166.

³² Moos C. Op. cit., S. 89–90.

³³ Suppan A. Die imperialistische Friedensordnung Mitteleuropas in den Verträgen von Saint-Germain und Trianon. — Die Habsburgermonarchie und der Erste Weltkrieg, T. 2, S. 1330–1333.

Кроме того, при обещании уступок в вопросе национальных меньшинств, вряд ли учитывался тот факт, что сама идея «государственной нации» вступает в противоречие с «чужими культурой, языком и идентичностью», из-за чего сами доминирующие народы — как чехи и словаки или сербы и хорваты — вскоре стали друг другу заклятыми врагами. Националистическому ревизионизму, иногда в самых его радикальных формах, был открыт широкий путь. Имперские проблемы габсбургской многонациональной империи продолжали жить в «малых империях» ее государств-преемников. Конфликты между соседними малыми государствами, постоянные споры о национальной автономии и независимости были признаком XX в., даже в бывших коронных владениях Габсбургов. Это сопровождалось опасениями международных экспертов, которые увидели за политическим распадом Дунайского региона его долгосрочную дестабилизацию. Интересы великих держав — Рима, Парижа, Берлина и Москвы — в этом регионе в длительной перспективе стали особенно заметны.

Между тем старая империя начала постепенно меркнуть, в том числе идейно и символически. В октябре-ноябре 1918 г. во многих городах и деревнях исчезли «ненавистные» символы «старого рейха». Еще один эмоциональный «акт освобождения» произошел в форме сноса имперских памятников³⁴ и их замещения культом добровольческих корпусов и легионов, боровшихся с Австро-Венгрией. Империя почти полностью исчезла из многообразной культурной памяти. Кино, наряду с другими способами ее формирования, отражало изменение исторической перспективы: с румынской точки зрения Трансильвания и Венгрия были частью разнородного исторического мифа империи Габсбургов; с точки зрения южных славян и итальянцев, этот миф подпитывали битвы на реке Изонцо или в Альпах.

Однако Первая мировая война и ее последствия оказали влияние и в других отношениях. Несмотря на то, что антиеврейские настроения в Австро-Венгрии существовали давно, 1918 год стал важной вехой с точки зрения безудержного роста антисемитизма. Поиск виновных в военных поражениях, крахе старого строя, революционных движениях и продовольственном кризисе способствовал расистским настроениям. Уже в конце войны, в 1918 г., были еврейские погромы, однако весь долгий «рубеж веков», вплоть до 1930-х годов, сохранялись повседневный и жизненный миры евреев. Только их разрушение во время Второй мировой войны ознаменовало исчезновение этого «fin de siècle»³⁵, чей интеллектуальный, художественный и научный расцвет был в значительной степени вызван и развивался эмансипацией иудеев.

В общем и целом существовавшие в империи социально-экономические структуры были утрачены. Даже если раньше — часто с конца инфляционного периода середины 1920-х годов и даже во время великой депрессии 1930-х годов — «спад до уровня малых государств» был очевидным во многих странах, а более ранние контакты утратили свое значение, то Вторая мировая война, начало «холодной войны» и установление зависимых от Москвы коммунистических режимов, очевидно, стали важнейшими моментами на этом пути.

Во многих отношениях советская власть и появление «железного занавеса» разорвало еще сохранявшиеся экономические, социальные и культурные связи Альпийской республики, воссозданной в 1945 г., с ее соседями. То же самое можно сказать и о правовой ситуации, по крайней мере, косвенно. Понятно, что «ситуация 1938 г. была вновь пересмотрена». Но теперь как «следствие реорганизации экономических

³⁴ Judson P. M. Op. cit., S. 555.

³⁵ Выражение «fin de siècle» («конец века», «серебряный век») стало синонимом утонченности переживаний и нервной обостренности ощущений, пессимизма, усталости от жизни.

и социальных структур соседних государств, попавших в советскую орбиту», что привело к «концу австрийского гражданского правового пространства»³⁶.

Политически «правлящий дом» давно уже не имел никаких шансов. Симпатии правоконсервативных и авторитарных режимов 1930-х годов не изменили этого. Предпринятые в Венгрии в 1921 г. две неудачные попытки реставрации Габсбургов показали безнадежность этой идеи. После 1945 г. споры о въезде в страну Отто Габсбурга и расходящиеся толкования истории партиями Альпийской республики в конечном счете не были решающими. Даже Социалистическая партия Австрии смягчила свое отношение к прошлому. С точки зрения тех, кто находится у власти, монархисты и легитимисты в конечном счете были несущественным фактором.

Эта историческая память, прежде всего для Австрии, была обращением к «духовности» и «ностальгии». Резервуар из множества культурных достижений времен монархии, а также всего созданного в межвоенный период и в «христианском сословном государстве», возродил культурологический «Габсбургский миф», не ограничивавшийся только литературой, и поставил его на службу при формировании культурно-политических основ Второй республики. «Мир Франца Иосифа», и даже в большей степени его предшественников, был примером чистого мирного порядка. Этот миф отвлек внимание от катастроф 1914–1945 гг., а следовательно, и от «коричневого кошмара», от ответственности «Ostmärker» (обозначение австрийцев в период 1938–1942 гг.) за преступления нацистской диктатуры. Связанные с этим «антипруские» признания малого государства часто ассоциировались с «великими имперскими временами» и «наследственным правящим домом»³⁷. Потребовалась либерализация, разрушение классической социальной среды и идеологических лагерей, чтобы начать менять взгляд на прошлое, «изменить культуру памяти». Из-за этого, начиная с 1980-х годов, историки все чаще стали обращать внимание на отрицательные стороны «старой империи» и особенно Первой мировой войны, причем не только ее ключевых событий — выстрелов в Сараево и мрачных картин развала империи в ноябре 1918 г.

Библиография

Albrecht C. Die Böhmishe Frage. — Die letzten Jahre der Donaumonarchie. Der erste Vielvölkerstaat im Europa des frühen 20. Jahrhunderts. Hrsg. M. Cornwall. Wegberg, 2004, S. 85–106.

Brauneder W. Die Verfassungssituation 1918: ein Staat entsteht, ein Staat geht unter. — Österreich. 90 Jahre Republik. Beitragsband der Ausstellung im Parlament. Hrsg. St. Karner, L. Mikolitzky. Innsbruck — Wien — Bozen, 2008, S. 15–23.

Clark Ch. The Sleepwalkers. How Europe went to War in 1914. London — New York, 2013.

Deutsch J. Kriegserlebnisse eines Friedliebenden. Aufzeichnungen aus dem Ersten Weltkrieg. Hrsg. M. Maier, G. Spitaler. Wien, 2016.

Habsburgs Last War: The Filmic Memory (1918 to the Present). Cinematic and TV Productions in the Neighbouring Countries and Successor States of the Danube Monarchy: Austria, Czechia-Slovakia, Germany, Hungary, Italy, Poland, Romania, Russia, Serbia, Slovenia. Ed. by H. Leidinger. New Orleans, 2018.

Höbelt L. „Wohlführende Unzufriedenheit“. — Österreichische Innenpolitik 1908–1918. Die letzten Jahre der Donaumonarchie. Der erste Vielvölkerstaat im Europa des frühen 20. Jahrhunderts, S. 57–69.

Judson P. M. Habsburg. Geschichte eines Imperiums 1740–1918. München, 2017.

Leidinger H. Der Untergang der Habsburgermonarchie. Innsbruck — Wien, 2017.

³⁶ *Moos C.* Op. cit., S. 17.

³⁷ *Leidinger H., Moritz V.* Umstritten, verspielt, gefeiert, S. 47–48.

- Leidinger H., Moritz V.* Der Erste Weltkrieg. Wien – Köln – Weimar, 2011.
- Leidinger H., Moritz V.* Umstritten, verspielt, gefeiert. Die Republik Österreich 1918/2018. Innsbruck – Wien, 2018.
- Leidinger H., Moritz V., Moser, K., Dornik W.* Habsburgs schmutziger Krieg. Ermittlungen zur österreichisch-ungarischen Kriegsführung 1914–1918. St. Pölten – Salzburg – Wien, 2014.
- Lukan W.* Die slowenische Politik und Kaiser Karl. – Karl I. (IV.), der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie. Hrsg. A. Gottsmann. Wien, 2007, S. 159–186.
- Moos C.* Habsburg post mortem. Betrachtungen zum Weiterleben der Habsburgermonarchie. Wien – Köln – Weimar, 2016.
- Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009.
- Plaschka R., Haselsteiner H., Suppan A.* Innere Front. Militärassistenten, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918, Bd. 2. Wien, 1974.
- Rumpler H.* Die Todeskrise Cisleithaniens 1911–1918. Vom Primat der Innenpolitik zum Primat der Kriegsentscheidung. – Die Habsburgermonarchie und der Erste Weltkrieg. T. 1. Der Kampf um die Neuordnung Mitteleuropas; T. 2. Vom Vielvölkerstaat Österreich-Ungarn zum neuen Europa der Nationalstaaten. Hrsg. H. Rumpler. Wien, 2016, T. 2, S. 1165–1256.
- Saage R.* Der erste Präsident. Karl Renner – eine politische Biographie. Wien, 2016.
- Šedivý J.* Der Einfluss des Ersten Weltkrieges auf die tschechische Politik. – Die Habsburgermonarchie und der Erste Weltkrieg, T. 2, S. 711–734.
- Suppan A.* Die imperialistische Friedensordnung Mitteleuropas in den Verträgen von Saint-Germain und Trianon. – Die Habsburgermonarchie und der Erste Weltkrieg, T. 2, S. 1257–1341.
- Szłania P.* Der lange Abschied der Polen von Österreich. – Die Habsburgermonarchie und der Erste Weltkrieg, T. 2, S. 813–851.
- Zsuppán F. T.* Die politische Szene Ungarns. – Die letzten Jahre der Donaumonarchie. Der erste Vielvölkerstaat im Europa des frühen 20. Jahrhunderts, Hrsg. M. Cornwall. Wegberg, 2004, S. 105–127.

References

- Albrecht C.* Die Böhmisches Frage. – Die letzten Jahre der Donaumonarchie. Der erste Vielvölkerstaat im Europa des frühen 20. Jahrhunderts. Hrsg. M. Cornwall. Wegberg, 2004, S. 85–106.
- Brauneder W.* Die Verfassungssituation 1918: ein Staat entsteht, ein Staat geht unter. – Österreich. 90 Jahre Republik. Beitragsband der Ausstellung im Parlament. Hrsg. St. Karner, L. Mikoletzky. Innsbruck – Wien – Bozen, 2008, S. 15–23.
- Clark Ch.* The Sleepwalkers. How Europe went to War in 1914. London – New York, 2013.
- Deutsch J.* Kriegserlebnisse eines Friedliebenden. Aufzeichnungen aus dem Ersten Weltkrieg. Hrsg. M. Maier, G. Spitaler. Wien, 2016.
- Habsburgs Last War: The Filmic Memory (1918 to the Present).* Cinematic and TV Productions in the Neighbouring Countries and Successor States of the Danube Monarchy: Austria, Czechia-Slovakia, Germany, Hungary, Italy, Poland, Romania, Russia, Serbia, Slovenia. Ed. by H. Leidinger. New Orleans, 2018.
- Höbelt L.* „Wohltemperierte Unzufriedenheit“. Österreichische Innenpolitik 1908–1918. Die letzten Jahre der Donaumonarchie. Der erste Vielvölkerstaat im Europa des frühen 20. Jahrhunderts, S. 57–69.
- Judson P. M.* Habsburg. Geschichte eines Imperiums 1740–1918. München, 2017.
- Leidinger H.* Der Untergang der Habsburgermonarchie. Innsbruck – Wien, 2017.
- Leidinger H., Moritz V.* Der Erste Weltkrieg. Wien – Köln – Weimar, 2011.
- Leidinger H., Moritz V.* Umstritten, verspielt, gefeiert. Die Republik Österreich 1918/2018. Innsbruck – Wien, 2018.
- Leidinger H., Moritz V., Moser, K., Dornik W.* Habsburgs schmutziger Krieg. Ermittlungen zur österreichisch-ungarischen Kriegsführung 1914–1918. St. Pölten – Salzburg – Wien, 2014.
- Lukan W.* Die slowenische Politik und Kaiser Karl. – Karl I. (IV.), der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie. Hrsg. A. Gottsmann. Wien, 2007, S. 159–186.
- Moos C.* Habsburg post mortem. Betrachtungen zum Weiterleben der Habsburgermonarchie. Wien – Köln – Weimar, 2016.

Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009.

Plaschka R., Haselsteiner H., Suppan A. Innere Front. Militärassistenten, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918, Bd. 2. Wien, 1974.

Rumpler H. Die Todeskrise Cisleithaniens 1911–1918. Vom Primat der Innenpolitik zum Primat der Kriegsentscheidung. — Die Habsburgermonarchie und der Erste Weltkrieg. T. 1. Der Kampf um die Neuordnung Mitteleuropas; T. 2. Vom Vielvölkerstaat Österreich-Ungarn zum neuen Europa der Nationalstaaten. Hrsg. H. Rumpler. Wien, 2016, T. 2, S. 1165–1256.

Saage R. Der erste Präsident. Karl Renner — eine politische Biographie. Wien, 2016.

Šedivý I. Der Einfluss des Ersten Weltkrieges auf die tschechische Politik. — Die Habsburgermonarchie und der Erste Weltkrieg, T. 2, S. 711–734.

Suppan A. Die imperialistische Friedensordnung Mitteleuropas in den Verträgen von Saint-Germain und Trianon. — Die Habsburgermonarchie und der Erste Weltkrieg, T. 2, S. 1257–1341.

Szlanta P. Der lange Abschied der Polen von Österreich. — Die Habsburgermonarchie und der Erste Weltkrieg, T. 2, S. 813–851.

Zsuppán F. T. Die politische Szene Ungarns. — Die letzten Jahre der Donaumonarchie. Der erste Vielvölkerstaat im Europa des frühen 20. Jahrhunderts, Hrsg. M. Cornwall. Wegberg, 2004. S. 105–127.